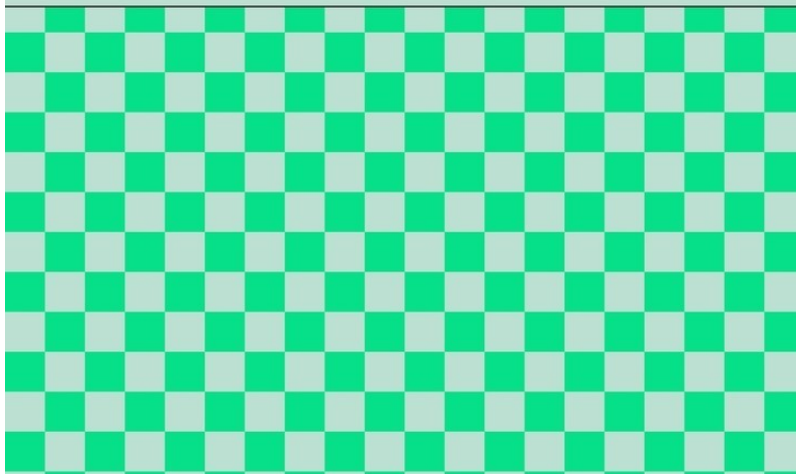

Марс Вронский

*Женщина-
смерть*

Книга первая. XXX 33+

Марс Вронский
Женщина-смерть.
Книга первая. ХХХ 33+

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22058123

ISBN 9785448340185

Аннотация

Авантюрный роман о великой любви, физической и духовной. Печаль о невозвратной молодости, мечта о возвращении её вместе с великой любовью. А древний Восток знал секреты вечной любви и вечной молодости! Попробуем разобраться, друзья!

Содержание

1	7
2	23
3	41
4	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Женщина-смерть

Книга первая. ХХХ 33+

Марс Вронский

*«Высшая форма любви есть тайная любовь.
Терзаться любовью всю свою жизнь, умереть
от любви, так и не произнеся дорогого имени, –
такова подлинная любовь.»*

*«Хагакурэ» («Сокрытое в листе») Ямамото
Цунэтомо*

© Марс Вронский, 2016

ISBN 978-5-4483-4018-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сам не знаю, зачем я всё это делаю. Бывает же так, что встаёшь среди ночи и бредёшь к холодильнику. Или врубаешь ящик и смотришь какой-то сериал для умственно отсталых.

Беда, короче! Вот и мне приспичило вдруг набирать это обращение в никуда, послание никому. Вернее, я-то знаю кому. Эта женщина воздух моего дыхания, свет глаз души моей, горячее двигателя моей жизни. И мне бы очень хотелось, чтоб она это прочла. Хотя это и невозможно. Вот в такой я ситуации. Без неё меня просто нет, есть лишь пустая оболочка, призрак для всех, пустая оболочка, фантом на обозрение.

Настоящая жизнь моя лишь в общении с ней, когда я стою перед мольбертом и тщательно выписываю каждую чёрточку её лица, рук, фигуры. Всё остальное время – серая нудная обыденность, поддерживаемая только ожиданием.

Да! Ожидание! Вот чем я просуществовал столько долгих лет. Я знал, я свято верил, что она проявит себя. И проявляла уже не раз, хоть и не очень явно. Она не из тех, кто может бесследно исчезнуть, потеряться в потоке бытия. Она слишком велика и слишком ярка для этой жизни.

Много раз я, казалось бы, отчаивался и терял надежду, сбивался с пути, пил и распутничал, но снова и снова возвращался. Возвращался на дорогу к ней. Потому что где-то в глубине, может быть на самом дне меня всё равно, не смотря ни на что, никогда не угасала маленькая искорка чувства притяжения к ней, тяги, жажды, страсти. Наверное, этому нет определения, а слово «любовь» как-то поистёрлось, затаскалось. Говорят ведь: «Займёмся любовью», а это совсем другое.

Теперь там, в глубине меня бушует пламя, растущая огненная стихия, на которую уже ничто не сможет повлиять. Это в связи с последней её манифестацией. И из-за того же я теперь стучу по клавише. И так мне хочется, спасу нет, писать не «её манифестацией», не «на дорогу к ней», а «на дорогу к ТЕБЕ, ТВОЯ манифестация». Так хочется, чтоб и она всё это прочла, услышала мой слабый голос, увидела эти мои писательские потуги.

Да нет, конечно, я не писатель, не мастер пера, по большому счёту я и не художник, как я это понимаю. Большие художники слова и кисти живут лишь творчеством, оно у них на первом месте, на пьедестале, всё остальное – бесплатные приложения. У меня же только она одна (только ТЫ!) на первом, втором и прочих местах, а творчество является инструментом общения с ней, только инструментом. И, слава Богу, что он есть, иначе бы мне не жить.

Устал ли я без неё? Пожалуй. Когда же услышал этот позывной, всё завертелось по новой.

1

КАМА – в Индуизме бог любви. Вооружён луком из стеблей сахарного тростника. Его супруга – Рати, олицетворение любовной страсти. Согласно легенде, Шива после трагической гибели своей первой жены, Сати, предался аскетическим подвигам. Между тем она вновь родилась в облике Парвати, дочери Хималая. Влюбившись в Шиву, она устроила своё жилище неподалёку от того места, где он совершал своё подвижничество, и стала поклоняться ему. В это время ракиас Тарака стал угрожать существованию всех миров, и, поскольку сразить его мог только сын Шивы, боги послали Каму, чтобы тот пробудил в нём чувство любви и таким образом отвлек его от подвижничества. Улучив момент, когда Парвати проходила мимо Шивы, Кама метнул в него стрелу. Разгневанный Шива, чтобы не нарушить подвижнического сосредоточения, усилием воли создал у себя во лбу третий глаз и изверг из него огонь, обративший Каму в пепел. Это, однако, уже не смогло уничтожить чувства любви, и Кама, как её олицетворение, продолжил жить как Ананга (Бестелесный). Родившийся же в результате союза Шивы и Парвати Сканда, бог войны, достигнув возраста семи дней, слезил демона Тараку.

Всякая жизнь полна загадок. Даже и для самого её обла-

дателя. То есть, порой сам не понимаешь, не до конца понимаешь, что с тобой происходит. А что происходит? Я ведь не всегда был таким известно самобытным, харизматичным затворником-художником. Не всегда у меня был этот трёхэтажный особняк в сосновом бору на берегу лесного озера, студия с квартирой в мегаполисе, а также яхта на Волге, внедорожник, квадрацикл, спорткар и ещё кой-какие игрушки взрослого мужчины.

В двадцать пять мне стало ясно, что я пропал. Я был женат на нелюбимой женщине, ходил на облыдевшую работу – из-за квартиры и заработка вкалывал на стройке. Сказать, что мне было плохо, значит украсить ситуацию. Мне было чудовищно отвратительно жить. Даже мои «маленькие тайны» меня не особенно радовали, как бывает у наркоманов и алкашей, когда *это* перестаёт быть кайфом, а становится средством выжить. И не было в той чёрной полосе ни единого просвета, ни малейшей надежды на будущее. Наоборот, будущее грозило стать ещё страшней.

Конечно, приходили мысли о самоубийстве. Хотя, по сути, тем своим существованием я и убивал себя. Каждое утро у нас случался маленький скандал со взаимными упрёками или надутие губ с обиженным молчанием. Затем – каторга в коллективе грубых насмешников. Тогда я ещё не понимал, что и грубость, и насмешки друг над другом были у несчастных (вместе с алкоголем) лекарством от той же самой тоски неудачников. С зубовным скрежетом я вытерпывал эти во-

семь часов с часовым обедом и, страшно усталый, плёлся домой, порой прихватив в лавке бутылку «бормотухи» на сон грядущий.

Ситуация обострялась тем, что супруга Ксения тоже с трудом выносила меня, тоже выпивала и не всегда ночевала дома. Грызла меня, как ни странно, и ревность, хотя и сам не был абсолютно чист перед ней.

То была эпоха позднего Брежнева, тогда, мне кажется, вся страна жила так. Редко, кто из моих знакомых не пил. В Бога никто не верил, в коммунизм тоже, и вообще никаких улучшений ни в чём и ни в каких смыслах не предвиделось. Мы не ценили того, что жили в хороших, пусть и ведомственных, квартирах, что могли в рассрочку под действительно смешные проценты приобретать мебель и хозяйственные агрегаты, что безработицы практически не было, наоборот, Бродского судили за тунеядство. Ну да, продуктов в магазинах становилось всё меньше, а винища всё больше, и оно становилось всё хуже. Примерно половина моего окружения (из молодых) слушала «голоса» из-за бугра. А любимым развлечением на выходные были домашние посиделки с танцами в тесных комнатушках, а летом – пикники на берегу речки или озера с морем бормотени и почти без закуски.

Однако я не был как все. Что-то было в лице и поведении моём такое, что парни и мужики относились ко мне с настороженностью, а девушки поглядывали с интересом. Наверное, мои «маленькие тайны» каким-то образом просве-

чивали сквозь телесную оболочку, сквозили из совершенно банального образа: «битловская» причёска смоляных, чуть волнистых волос, маленькие усики и грустные карие глаза под густыми, питекантроповскими бровями. Роста я среднего, и одевался совсем не у фарцовщиков.

У всех людей, наверное, бывают свои секреты, которыми не хочется делиться с ближними. Возможно, это какие-то психические комплексы или осознание собственной порочности. Главное, что я скрывал от всех, было рисование. Каждое утро я тихонько поднимался часа в 4—5 и крался в туалет. Там среди домашних инструментов, гвоздей и проводов был спрятан блокнот с пачками карандашей, кистей и красок.

Непросто объяснить, почему я прятался с таким, вроде как обыкновенным хобби. Для этого мне придётся кое-что рассказать. Однажды подростком я упал со строительных лесов, с уровня второго этажа. А наш бригадир, я был на практике, сначала ощупал, убеждаясь, что ничего не сломано, затем потащил в бытовку. Там он достал из своего шкафчика «чекушку» водки, налил с пол стакана и заставил меня выпить. Мне конечно совсем не хотелось, но седой, как лунь, старик настоял. А потом объяснил, что если бы я не выпил и не снял тем самым шок падения, то до конца жизни бы боялся высоты. И уже никогда не смог бы работать на стройке.

И далее. В четвёртом классе я был маленьким чернявым непоседой, усердно посещающим Художественную школу

и едва-едва тянущим на тройки в обычной. Оленька К., чистюля и аккуратистка с корейскими корнями, сидела за партой позади меня. В школе это худенькое, почти невесомое создание со стянутыми белым бантом на затылке антрацит-но чёрными волосами, вело себя как машина. Она никогда не шалила, не бегала и не толкалась на переменах, не скакала с девчонками через резинку. Но в гордом одиночестве чинно вышагивала взад-вперёд по коридору. Не шушукалась и не хихикала с подружками, как делали все её сверстницы, она УЧИЛАСЬ. Отшагав автоматом десять минут, Оленька шла в класс, доставала нужный учебник и нужную тетрадку со всегда досконально и правильно выполненными домашними заданиями и замирала в правильной позе с прямой спиной и сложенными одна на другую руками. Причём, на каждый вопрос учителя её правая ладошка всегда моментально взмывала вверх. Она знала ответы на все вопросы. Сейчас бы сказали, что это не ребёнок, а робот-андроид!

Но вот однажды мы с приятелем залезли в чужой сад за яблоками. В середине сентября они уже созрели и стали слаще, а уж чужие и того подавно! Сидя на дереве и набилая пазухи прекрасными, пахучими плодами, мы вдруг увидели внизу танцующую нимфу. Босая девочка в купальнике и с распущенными по плечам и лицу волосами кружилась под слышимую одной ей музыку. Мы замерли на ветвях, боясь выдать себя. А маленькая красавица (я уже не сомневался, что это красавица!) внизу исполняла замысловатые па

и делала немислимые пируэты, смеясь и плача при этом. Если бы она нас заметила, наверняка закричала бы, позвала кого-то из взрослых, нам бы всыпали по первое число! Поэтому мы боялись даже дышать. А маленькая нимфа всё танцевала и танцевала, хныкая и напевая что-то.

Мой приятель, в конце концов, не выдержал этого напряжения и шепнул мне на ухо: «Да она чокнутая! Пошли на срыв!» «Сиди! – сам не зная почему, приказал я ему хрипло. – Сиди, она сейчас уйдёт!» И продолжал глазами вбирать эту красоту. Сейчас, по прошествии многих лет, я могу точно сказать, что тогда я услышал музыку, под которую девочка танцевала. Приятель мой, теперь уж не помню и имени его, был на голову выше меня и значительно сильнее. Он обиженно засопел, а потом с оглушительным хрустом надкусил яблоко и блаженно зачавкал. Совсем сходя с ума, я врезал ему под глаз, он ответил тем же. Мы свалились с дерева и продолжили схватку уже в траве. «А чего ты?!» – уже в голос вопил он, «А ничего!!» – ещё громче отвечал я. Мы не переставали мутузить друг друга даже когда нас уже поймали и старались растащить. И растащили. И я был поражён до самого сердца, когда узнал в теперь уже одетой в платье и со стянутыми в хвост волосами нимфе Оленьку. Я пребывал в таком шоке, что совершенно не слышал грозных внушений взрослых, не чувствовал хватания за руки и трёпки за рубашку. Я был в прострации, смотрел, выпучив глаза и открыв рот, просто смотрел на неё и всё.

Конечно, нас сразу и отпустили, даже не отобрав уцелевших в потасовке яблок. А я, всё в той же прострации добредя до дома, сразу достал свои художественные принадлежности. Впервые в жизни у меня появилась *собственная* тема. До этого случая я рисовал и писал красками лишь то, что задавали, а тут... Втайне от всего мира я стал изображать по велению изнутри ту танцующую нимфу, Оленьку К.

Сколько это продолжалось, не знаю. Я жил как в тумане. И всё это время во мне зрела идея Признания. Жажда открыться этой хрупкой, божественной танцовщице росла, как на дрожжах. Мне жутко хотелось, чтоб она узнала, что и я слышал ТУ музыку, что поддерживаю её в её тайном. В том, чего не увидели ни мой дружок, ни взрослые. И жажда эта выросла до того, что начала мне сниться, что я уже начал изображать на холсте сцену Признания. По сути дела мне, десятилетнему ребёнку, было, казалось, и не важно, как ОНА потом ко мне отнесётся, важнее было, чтоб ОНА узнала. Эта тайна стала так тяжела, что я и сам стал похож на машину-андроида с одной единственной, заданной откуда-то свыше целью.

Мне нечего было выдумывать и планировать, на автомате закончив картину и оставив её на подрамнике на просушку, от муки ожидания я чуть с ума не сошёл. Надо было чем-то занять себя. И я начал новую картину, и она стала получаться значительно лучше. Прежнюю пришлось соскабливать. И когда была отставлена на просушку эта и начата

новая... Я попал в круговорот повторяемости. Из которого было так же нелегко выбраться. Когда же у меня кончились краски, и я уже перестал соскабливать прежние варианты, в полном отчаянии я случайно нашёл старый, уже запылившийся вариант. И он меня поразил своей простотой и утончённостью. Это был шедевр! Мне не верилось, что это сотворил я. Я даже заплакал над картиной от избытка чувств! По-быстрому свернул её в трубку и вместе с запиской, первым в моей жизни любовным посланием, подбросил в ЕЁ парту. До начала занятий. Ведь мне приходилось, кроме тайных и основных занятий, ещё посещать и общеобразовательную, и Художественную школы! Теперь даже и не знаю, как я смог всё это вынести!

И всё. И наступил полный штиль, полнейшая тишина и оцепенение. Но то было гнетущее, тяжёлое затишье, какое бывает перед грозой. Или бурей. Не то, что бы я замер или скукожился в страхе и предчувствии, нет, я просто перестал существовать. Я растворился в полном безразличии, в усталости и вымотанности нервов от недосыпания и перенапряжения. И все последующие события уже наблюдал, словно со стороны. Или сверху.

Оленька повела себя, как и подобает пионерке и круглой отличнице. На первой же минуте первого урока она честно подняла руку, требуя внимание учительницы. «Что тебе, Оленька?» – спросила та. Твёрдо чеканя шаг, нимфа моя отнесла моё «Признание» на преподавательский стол.

Навсегда запомнил я ту полную, рыхлую, видимо, большую и несчастную женщину с одутловатым лицом и в тёмных, длинных одеждах. На подбородке у неё была крупная, покрытая серым диким волосом бородавка. Поджав сухонькие губки, она взглянула на холст, на мгновение развернув его, прочла записку. Кашлянула в кулачѐк. Подняла на меня маленькие бесцветные глазки и проскрипела:

– Вронский, к доске!

На ватных ногах я кое-как доковылял до своего позорного столба. И учительница, презрительно скривившись, выплюнула:

– Вот, посмотрите, дети, на нашего страдальца-Ромео! Вот так себя вести в десять лет ни в коем случае нельзя! Он!.. – тут она закатила глаза и уже не плюнула, а харкнула. – Влюбился! С ума сойти! Пионер!! В непростое для нашей Родины время! Амуры в голове! – и т. д. и т. п. – Намалевал порнографию! Извращенец!

В том возрасте вряд ли кто из нас подозревал, что такое порнография, но прозвучало это как обвинение в предательстве Родины! И все смолкли, глядя на меня. Но очевидно даже не зрелый ум в состоянии отличить влюблённость от предательства, однокашники стали хихикать и толкать друг друга локтями. Не помню, как закончилась обвинительная речь, и какой был приговор, как я вернулся на место. До конца урока просидел в полнейшем ступоре. А со звонком как-то поднялся и вышел в коридор. Там на меня сразу напали

со всех сторон, хлопая по плечам и спине и насмешливо выкрикивая:

– Ромео!! Влюбился!! Извращенец!! Порнография!!

Я зашёл в туалет и заперся там в полуобморочном состоянии. В дверь непрерывно стучали и орали всё те же чудовищные обвинения.

То был самый первый плевок в меня со стороны весельного обывателя. Того самого, который теперь целиком и полностью воцарился в нашей стране, который двумя руками голосует за мыльные сериалы и пошлую попсу. И выбирает себе соответствующее правительство.

Никто тогда не налил мне из «чекушки» для снятия стресса. И шок ещё более утвердился в моём сознании, когда уже в пубертатном возрасте меня стало волновать нагое женское тело, и я стал тайком срисовывать с разного рода репродукций «Леду», «Венеру», «Афродиту» и прочую «обнажёнку». Книжки о великих художниках с иллюстрациями я беспрепятственно брал в школьной библиотеке. И однажды поутру мама, тогда уже давно разошедшаяся с отцом, поймала меня за этим занятием. Она страшно побледнела, руки у неё затряслись, стала с дикими криками хватать мои рисунки, карандаши и книжки. И яростно рвать бумагу. Притом осыпая меня тумачами. Всё в том же истеричном состоянии мама разожгла печь и свалила туда вообще все мои художественные принадлежности. Со слезами на глазах я наблюдал, как летят в огонь кисти и краски с холстами и подрамника-

ми. Со мной тогда тоже случилось что-то вроде обморока. И опять же никто не налил мне рюмку водки или не дал какой-то релаксant, увы!

И ещё мне с того дня было строжайше запрещено посещать мой любимый факультатив. Хотя приходили поговорить с мамой и преподаватели, и даже директор Художественной школы, в один голос нахваливая мои способности. Мама осталась непреклонна: «Нечего мне развращать мальчишку!»

Мама не знала, горемыка, всю жизнь промаявшаяся на нелюбимой работе, что вкусивший верескового мёда вдохновения уже никогда не отступится. Я ушёл в подполье. Рисование стало моим секретом номер один. Чего я только не выдумывал, чтоб удовлетворять эту свою страсть, эту тягу к изображению чего-то поражающего воображение, Красоты.

Секрет номер два – то, что я называю «фрагментарное пророчество». Иногда в моменты пробуждения или засыпания ко мне приходят какие-то картины. Не глобальные, я не могу предсказать судьбу страны и народа, тем более, Человечества. Но вот так, по мелочи, вроде того как в полусне вздрагиваю и покрываюсь потом от того, что ясно вижу, как из моей руки выпадает полный чего-то существенного бокал. А напротив меня стоит полуодетая свояченица семнадцати лет от роду, пухленькая блондинка со всколоченной причёской. И что-то, как будто говорит. Моё внимание привлека-

ет волосяной бугорок внизу живота между разошедшимися полами халатика. И всё. Мелькнуло и прошло. Хотя я помню об этом видении и знаю, что всё точно так и будет.

А недели через две у нас с Ксенией случается грандиозная пьянка со множеством гостей. Не помню уж, по какому случаю, но всё по заведённому обычаю: тосты, танцы-обжиганцы, выяснение отношений с мордобоем, острая нехватка «горючего» и поиски его по ночному городу. А под конец – чёрный колодец беспамятства. Просыпаясь, я вижу приткнувшихся где попало и как попало людей. Выбираюсь из супружеской постели из-под навалившихся на меня тел и уныло шлёпаю на кухню. В холодильнике, – о счастье! – обнаруживается непочатая бутылка. Лихорадочно открываю, наполняю винный бокал и подношу ко рту. В этот момент кухонная дверь отворяется, бесшумно входит эта глупая полуголая девчушка-свояченица. Со словами:

– Давай по-быстрому перепихнёмся, пока все дрыхнут! – причём я уже чувствую себя марионеткой, уже в накатанной колее, из которой не выпрыгнуть.

Бокал, полный самогонки валится из моей руки. Я знаю, что сейчас увижу её русый лобок, и полы халатика, как по заказу раздвигаются. Я во власти каких-то посторонних сил, судьбы, Бога или дьявола. Двигаюсь и говорю в такие моменты как некая деталька, не самая главная, в огромном сложном механизме с предназначенной ей осью и амплитудой. Причём всю траекторию свою я уже видел.

В этом даре мне и до сих пор видится что-то не совсем нормальное. Кому, кроме компа, я мог бы рассказать о нём? Кто смог бы понять меня и не принять за выдумщика или сумасшедшего, обременённого фантазиями? Хотя я может и вправду слегка того?.. Я слышал, что у шизиков-параноиков иногда проявляются некоторые сверх способности. Тогда уж действительно обо всём этом лучше помалкивать. Может само пройдёт. Хотя жизнь-то уже и прожита...

То же самое, что и насчёт рисования. Тогда я думал, что один такой, а мои друзья со стороны (с моей стороны) виделись простыми, цельными парнями без «второго дна», без «маленьких тайн». На первый взгляд они все просто жили, боролись с обычными трудностями, забывались в хмельном угаре, тискали девчонок и женились, рожали себе подобных.

Да и какое могло быть окружение у пьющего каменщика третьего разряда?! Пусть и сына урождённой графини, но в советское время. Да ещё в маленьком, захолустном городке в самой гниющей сердцевине России!

* * *

Вот так я и жил в эпоху развивающегося социализма. Работал на стройке, жил в двухкомнатной квартире с Ксенией, скрывал от неё свои заскоки, пил вовсю и не видел впереди ничего хорошего.

До шести, пока не загремит будильник моей благовер-

ной, я рисовал. Затем по быстрому заметал следы «преступления» и ставил чайник на газ. На кухню урождённая до седьмого колена крестьянка входила как королева. Вид у неё по утрам всегда был цветущий. Пока она не закуривала и не уродовала себя избытком косметики после завтрака.

– О чём задумался, детина? – со смешком она ставила рядом с чайником сковороду под яичницу. – Опять весь в мечтах?

В те времена девчонки ещё не мечтали о карьере в модельном бизнесе, тем более Ксения с её прагматично-крестьянским складом ума. А ведь она вполне могла бы стать моделью. Конечно не суперкласса, этому помешал бы длинноватый, как у Арбакайте до пластики, нос и коротковатые, хотя и красивые, ноги. Железнодорожники таких красавиц называют низкотендерными.

У всех Долговых, а они жили тут же, в соседней пятиэтажке, кроме, разве что, старшей Инессы, были длинные носы и короткие крепкие ноги. Что у тёщи, Ольги Николаевны, сильно располневшей поварихи в больнице, и тестя, Вениамина Филатовича, тихони, затюканном сварливой женой, вечно испачканном угольной пылью, поскольку большую часть жизни проводил в котельной, то и у моей Ксении, и у свояка Валеры, тоже полноватого в маму домоседа и у младшей, всюю гулящей Галины. Вениамин же с Ольгой были так схожи, что их часто принимали за брата с сестрой, а они были из соседних деревень Псковской губернии.

Об Инессе разговор особый. Когда в семье начинались глобальные баталии, а именно этим всегда и заканчивались грандиозные пьянки в честь больших праздников, все её обзывали подкидышем. Да и невооружённому глазу было видно, что она не Долгова! Длинноногая, худощавая, с осанкой балерины, с греческим горбатым носом, с монголоидным разрезом глаз и выдающимися скулами. К тому же она ещё отбеливала волосы с чёлкой по брови и хвостом по лопатки, словно специально, чтоб стать пострашней. В Инессе не было и капли крестьянской красоты прочих Долговых, да и по характеру она была другой, с какой-то дворянской гордостью важной молчаливостью. Она никогда не буянила, не напивалась, как все прочие Долговы, хотя и принимала участие в посиделках, но никогда никому ничего не доказывала и исчезала незаметно, по-английски. В то время как другие, включая меня, уже после второй стопки начинали вовсю вещать, не слушая друг друга.

Такие были времена. Тогда ещё глава государства не пропагандировал спортивного хамства «кто смел, тот и съел», а пил и целовался взвсос со всеми, едва не теряя вставную челюсть. Соблюдая, однако же, определённую порядочность. Тогда большинство народонаселения хотело хотя бы выглядеть порядочно, а не обеспеченно, как теперь. Бедность не считалась пороком. Из-за этой долбанной порядочности я и женился, закончив Профтех, на тогда ещё второкурснице, будущей машинистке башенных и козловых кра-

нов. Считал себя обязанным, поскольку вроде как лишил девушку невинности. Лишившись её притом и сам.

2

ШИВА – один из трёх главных божеств Индуизма, олицетворение сил разрушения и творения. Восходит к ведийскому богу грозы. Его супруга – Парвати, дочь Хималая, его сыновья – Ганеша и Сканда. Вахана Шивы – бык Нандин. Непременные атрибуты – барабанчик, лук, трезубец, полумесяц, порождающие соответствующие эпитеты. Имена-эпитеты Шивы порождены многочисленными легендами, как, например, Синегорлый – при паханье океана богами и асурами, прежде чем отдать сокровища, океан смертельный для всего сущего яд халахала, и Шива выпил весь этот яд, отчего его горло посинело.

Мои друзья, тракторист Арнуха, атлет Олег и Игорь по прозвищу Свисток, вились вокруг некрасивой Инессы, а вводили (иногда и просто в кусты) Галину. Да я и сам, что греха таить, не раз побывал там по дурости. Однако этот подвигу нас популярностью не пользовался. У молчаливого, с чуть поздним зажиганием, чухонца Арнухи та маленькая безотказная хохотушка, похоже, была единственной. Двухметровый мастер спорта по греко-римской борьбе Олег, служащий к тому же в милиции, вообще менял подруг, как носки, не забывая и о Гале. А Игорь (потому и Свисток!) лишь

хвалился такими похождениями.

Тут вспоминается весьма показательный эпизод наших праздников. Гуляли мы вроде как Первоймай у Долговых, в их трёхкомнатной квартире, в зале за сдвинутыми столами. Присутствовали все мои друзья и все Долговы, Олег привёл новую пассию, малорослую зеленоглазую студентку Аню. Выпито уже было немало, подошёл этап танцев-обжиманцев. На «белый» танец меня позвала Галина. «Больно мне, больно!..» – орал динамик, а в это время маленькая ручка свояченицы юркнула мне в ширинку.

– Прекращай!.. – с хитрой ухмылкой просипел я.

– А я хочу! – вытаращила глаза партнёрша. – Пошли в ванную! – и, оставив меня, стала протискиваться к выходу.

А я отправился на своё место оглядеться. Моя благоверная прижималась к Свистку. Я ткнул стопочку и пошёл якобы в туалет, а открыв дверь ванной комнаты, обалдел. На краю ванны со спущенными штанами сидел Арнуха, а на нём, с задранной под мышку ему ногой, – Галина. Они дёргались, как очумелые. И тракторист уже закатил глаза, готовясь к извержению. Что делать, опоздал! Тихонько прикрыв дверь, я вернулся за стол. Там между танцами провозглашался очередной тост. Я выпил, подмигнув Инессе. И она улыбнулась в ответ. Разумеется, я её тут же пригласил. Потоптавшись немного под «Бонни М», по моей инициативе мы отправились на балкон «подышать воздухом». Там стоял раскладной диван, служивший вытрезвителем Филатовичу.

Свет из большого окна залы падал как раз на диван. Где, поскуливая, сидела и подпрыгивала опять же Галина. Её лохматая голова раскачивалась между широко расставленными коленями, а ступни в босоножках «на шпильках» расположились по бокам возлежащего под ней милиционера.

– Не будем мешать!.. – шепнула мне Инна, и мы вернулись в накуренное помещение.

Я пребывал в лёгком шоке. Ну, даёт Галина Вениаминовна! Инесса лишь пожалала плечами, – она такая!

А настоящий шок настиг меня позже, когда я, уже изрядно захмелев, потащил зеленоглазую студентку Аню в туалет. Конечно, это было не по правилам, ведь её привёл Олег, но я к тому времени уже пребывал в состоянии эйфории и вседозволенности. Как, впрочем, и студентка. Войти в туалет мы не смогли, так как на унитазах в приспущенных брюках сидел блаженно зажмурившийся Свисток. А на коленях перед ним, уткнувшись лицом ему в пах, расположилась вездесущая Галина. Затылок её ритмично колыхался.

– О-о! Как интересно! – промурлыкала едва стоящая на ногах Аня и потянулась к совокупляющимся.

Я еле оттащил её от туалета. Но, боюсь, она вернулась туда, когда я накатил для снятия шока целый «губатый» и обуглился прямо за столом.

В себя я стал приходить по ним же, чувствуя, как кто-то настойчиво теревит моего маленького хозяина в штанах. Конечно же, это опять была моя юная свояченица!

Однако к чести тех благословенных лет, должен сказать, что такой блуд случался не часто. Чаше кто-то кого-то «сни- мал» и уводил до утра. Если жена или подруга не видят.

К «горбоносой татарке» до судьбоносного случая я от- носился как все, т.е. с интересом, но без фанатизма. Ни- кто из моих знакомых (кроме Свистка, конечно, но он на то и Свисток!) не мог похвастать, что переспал с Инессой. А это всегда вызывает мужской интерес.

А тут тихоня Вениамин Филатович, как это случилось по- рой, пошёл в разнос, стал спускать пары, перепив, естествен- но. В этом необычном для него состоянии он начинал орать, как оглашенный, бить посуду, а то и руки распускать. Боль- ше всех попадало самым близким, особенно Ольге Николае- вне. Дочери, если успевали, прятались у нас с Ксенией. Ме- ня он почему-то побаивался, как, впрочем, и совсем уж доб- родушного Валеру.

И я, конечно, не рисовал утром, когда у нас кто-то ноче- вал. Но позабыл! Просто вылетело из головы, что «татарчо- нок» спит у нас. Как всегда в четыре я уселся изобразить по- разившую моё воображение в предыдущий вечер Валентину Толкунову из «ящика» с её роскошной косой. Процесс так увлёл, что я не услышал подошедшего стороннего наблюда- теля. Когда набросок уже был почти закончен, на моё пле- чо легли горячие, просто раскалённые пальцы. В нос ударил терпкий запах чёрной смородины. И жаркий шёпот в ухо:

«Очень похоже!» – парализовал меня намертво. Ледяная волна ужаса прошла по телу и ударила в голову. Я съёжился, сдуваясь, как проколотый шарик, боясь обернуться. Горловой, глубокий смешок Инессы подействовал, как ни странно, успокаивающе. Она погладила меня по затылку:

– Слушай, Марек, А ты мой имаго¹ сможешь сделать? Скоро у меня День рожденья, ты не забыл?

– Какой ещё имаго? – не понял я и медленно повернул голову, опасаясь подвоха.

Но она лишь погладила меня по макушке, задумчиво улыбаясь:

– Портрет, дурачок! Просто портрет!

Я кивнул, глотая ком.

– Ну, вот и чудненько! – она ещё раз потрепала мне волосы. – Завтра с восьми тридцати я на Телятнике у себя в кабинете. Но ты приходи к десяти, чтоб я успела с делами разобраться, хорошо? – и вышла также бесшумно, как вошла.

А я продолжил сидеть, потрясённый до глубины души, над почти законченным наброском. Ну, ещё бы! С самого детства меня ни разу не поймали за рисованием! С памятной маминой вспышки. Когда барабанный бой сердца стал затихать. Я всё ж смог захлопнуть альбом непослушными руками. Спрятать, как обычно, уже не успел – просто сунул под подушку на табурете, услышав будильник Ксении.

– Эй, муженёк, ты не заболел случаем? – жена похлопала

---

¹ Изображение, образ (лат.)

меня по плечу, заглядывая в глаза, потрогала лоб. – Выглядишь неважно!

Я кивнул, совершенно не понимая, о чём это она. Так и сидел с открытым ртом и выпученными глазами в пространство перед собой.

Потом я всё же сумел убрать улики и без завтрака кое-как собраться на работу. Но работать я не собирался, это было само собой ясно. Надо было как-то отпроситься, а лучше – написать заявление на отпуск за свой счёт. А для этого, хошь-не-хошь, придётся пилить в контору.

Свежий воздух на улице почти привёл меня в чувство. На автобусной остановке я столкнулся с гигантом Олегом в форме. Он оттащил меня за рукав на расстояние слышимости от конторского люда и разговорщически зашептал:

– Тут такое дело, Марс!.. Только никому ни слова! Вы должны мне помочь!

– В чём? – у меня в голове было совсем другое.

Он наклонился к моему уху:

– У нас в городе наркотики!

Тут надо сказать, что то были другие времена, и о наркомании в таком захолустье, как наше, можно было слышать лишь в телерепортажах о загнивающем Западе.

– Да ну?!

– Точно установлено, что за последние пять лет умерло пятнадцать человек! И все – молодые парни призывного возраста! – он понизил голос. – Есть дети больших шишек! Они

начинают худеть, и за пару месяцев от них остаётся один скелет! Врачей боятся как огня! Если их помещают в стационар, они сбегают! И, в конце концов, их находят где-нибудь в канаве уже холодными! При вскрытии эксперты не находят ничего! Никаких следов морфина и подобного!

– Но я-то тут при чём? – мне не хотелось даже вникать.

– понимаешь, если я раскрою это дело, то получу повышение! И по званию, и по должности! Не век же мне в летёшках ходить! А вы должны мне помочь!

– Конечно, я всей душой! Но как? Что я могу сделать для тебя? Я ведь не Шерлок Холмс! И даже не доктор Ватсон!

– Информация, Марс! Информация! Теперь ты будешь воспринимать по-другому всё, что услышишь! После того, что я тебе сказал. И если где-то что-то проскользнёт, ты уже обратишь внимание. Соображаешь?

– Лады! – я пожал его громадную ладонь и побежал к подошедшему автобусу.

В конторе усатый и пятнистый, смахивающий на старую жабу, Матвеич, наш прораб, не только дал мне неделю в счёт отпуска, а ещё и выписал матпомощь в размере ста рублей! Неужели я так плохо выглядел? Стоит учесть, что зарплата у нас была 250—300 рэ, и она считалась высокой!

Оказавшись снова на улице с деньгами в кармане, я понял, что совершил глупость. Надо было бы всё это делать завтра. А сегодня? Чем теперь заниматься целый день? Автобуса я уже ждать не стал и пошёл домой пешком, не так уж и дале-

ко, а бешеной собаке сто километров не круг!

Перед глазами, когда я уже всё уладил, возникла «горбоносая татарка» с обесцвеченной чёлкой, с этой её загадочной полуулыбкой и запахом чёрной смородины. Да нет, образ этот и не покидал моего сознания, как я понял, просто временами уходил на второй план. Или наоборот, все события словно бы просвечивали сквозь него, сквозь первый план. Прямо наваждение какое-то! Я знал, что мне необходимо нарисовать её. Таким образом я умел избавляться от засевших в мозгах ликов, будь то Иисус, Джоконда или какая-то теледива.

По пути я завернул в Универмаг и прикупил ещё альбом с карандашами. В магазине вдруг заметил, что разговариваю сам с собой. Даже не беседую, а горячо спорю: «Не может она не знать, что мне приходится прогуливать!» «Да она специально спровоцировала тебя! Хочет покувыркаться с тобой на сеновале Телятника!» «А при чём тут рисование?» «Так она ещё и портрет в придачу получит!» – на меня стали оглядываться редкие в это рабочее время покупатели. Я засмутился и поспешил прочь.

Ксения уже была на своём Льнозаводе, кухня с карандашами и бумагой в моём полном распоряжении! В каком-то непонятном восторге я добежал до дома, влетел в квартиру и первым делом достал семейные фотоальбомы. Тогда они были большими, солидными, с оклеенными бархатом обложками. Листая их, я выбирал подходящие фото Инки.

Но там ведь был и я, и Ксения, и мама, и друзья...

* * *

То были самые обычные танцы в спортзале Профтеха. Играл наш доморощенный ВИА «Органон», мы с друзьями запасли целый ящик вермута, это двадцать бутылок по 0,7! На четверых! Арнуха где-то раздобыл денег, а Олег (тогда он ещё только мечтал о милиции и чемпионстве) купил винища на все, даже и не подумав о закуске. Свисток был в полном восторге, с вытаращенными глазищами и стоящими дыбом рыжими лохмами орал: «Девчонок! Надо звать девчонок! Они и закусь притащат!» «Да не о закуси ты думаешь» – подколот с каменным лицом Олег, «Короче, гуляем» – подытожил тогда ещё будущий тракторист.

В общагу ящик тащили по пожарной лестнице через крышу. Для этого пришлось открывать два замка без ключей: на крышу с лестницы. С этим на удивление легко справился Свисток. Олег пристально посмотрел милицейским взглядом: «Где это ты такому выучился?» «Тебе скажи, и ты захочешь!»

Нет, это всё надо видеть! Коридор перед спортзалом был полон стесняющихся и шушукающихся юнцов, были и возмущенные, которых не пустили окопавшиеся за принесённым письменным столом завуч с дежурными преподами. Они нас блюли! Но мы вошли без проблем – под спортивными курточками можно было спрятать и не по одному пузырю! Зал был слегка затемнён и заполнен возбуждёнными

ми парнями и сучающими на вид девушками вдоль стен. Под потолком крутился шар, обклеенный осколками зеркал, с направленными на него лучами цветных ламп. Танцевали, верней, стояли в середине, слегка подёргиваясь, пока ещё не многие, большинство осматривалось.

На танцы надо было идти трезвыми, преподы установили строгий фейс-контроль. Но мы сумели пронести с собой. Первую бутылку выпили в туалете с горлышка. «Чтоб снять застенчивость» – сам себе пояснил Олег. Нам было по шестнадцать и дебилов-наглецов среди нас не было. А я, наверное, больше всех терялся в присутствии девчонок.

От выпитого меня понесло. Я не только пригласил девушку на танец и познакомился с ней, что раньше у меня если и получалось, то только в состоянии глубокой заторможенности, но и напросился в гости. Нет, я, конечно, приглашал её с подругами к нам в комнату (и с закуской!), но Ксения, а это была именно она, – посоветовавшись с ними между танцами, позвала нас к ним. Как мы проникнем на закрываемый на ночь этаж, её не волновало. В пятиэтажке общаги весь второй был девчоночьим, а первый – административным. Последний курс, третий, т.е. мы, жили на пятом. Договориться с первокурсниками, расположенными на третьем, как раз над нужным нам окном, не составило труда, мы сделали это прямо на танцах за бутылку.

Девчонкам хотелось плясать, тем более что мы и им авансировали бутылку, а нам – поскорей уединиться с ними,

и компромисса никак не находилось. В процессе этих споров и убеждений лишь познакомившаяся, но так и не сложившаяся компания начала разваливаться. Первым извинился Олег: «Пацаны, простите, я возьму из комнаты пару бутылок и на время слиняю. Идёт?», потом начал кривляться Свисток: «Короче, у меня это, старая знакомая, мне надо к ней, сами понимаете!», Арнуха посмеивался, хитро щурясь: «Ничо, Марсон, нам больше бухла достанется!» А меня уже начало пугать грядущее свидание, тем более, что хмель от резких телодвижений и волнений начала проходить, а принесённая выпивка закончилась. Чухонец предложил уйти, а после танцев спуститься в гости, «Ага! А они других друзей найдут! – забеспокоился я, мне не хотелось терять деваху, подающую сигналы согласия. – Давай ты сгоняешь за бормотухой, а я пока тут...»

Невысокая, грудастая и попастая, в коротенькой юбчонке блондинка с немного длинноватым носом прямо таки сияла накрашенными глазами. А я всё время забывал, как её зовут, пока она не пропела мне в ухо: «Ксюша, Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша!..» Во время медленных танцев я прижимал её к себе, и она не противилась. Меня волновали тугие груди и трепещущие бёдра.

Будущий тракторист застрял в общаге, а длинноногая всё не соглашалась покинуть мероприятие и открыть мне окно. Я уже приуныл, как вдруг она сама подошла ко мне: «Тебя, правда, Марс зовут?» «А что, не похож?» «Тогда пошли!»

Мы вышли вместе и расстались на лестничной площадке второго этажа, охраняемой престарелым Цербером в юбке. Она мне подмигнула! С бухающим в груди сердцем я поспешил по лестнице на свой пятый. Арнуха спал, улыбаясь, на своей койке поверх одеяла, и не сняв даже ботинок. На полу перед ним стояла пустая тара. В ящике оставалась половина закупленного, то есть, десять. Я сделал из своей курточки сумку, застегнув пуговицы и связав рукава, положил в неё пять (!) бутылок и поспешил на третий этаж. Оказалось, что не зря я столько набрал – первокурсники ни за что поначалу не хотели отдавать свои простыни на канат. Уступили за две. А выпив по глотку, сами связали и привязали конец к батарее. С замирающим сердцем я вылез из окна. Без всякой страховки. И сразу же чуть не разбил ногой стекло девчоночьего окна. Тёмного окна, за которым замаячило светлое пятно лица.

Не зажигая света, Ксения впустила меня с вином. Сдавленно хихикала. Я тоже не знал, что сказать, сипло попросил стакан. Усадив меня на свою койку, всего их в комнате было четыре, и на двух, как я разглядел в потёмках, спали, девушка принесла стакан. О закуске не было и речи. Я наполнил его наполовину и предложил ей, когда она присела рядом. Вздохнув и пожав плечами, она выпила. Когда я налил себе, она достала из тумбочки конфету и, надкусив её, сунула мне в руку. «Неужели тебя правда так зовут? – жарко зашептала мне в ухо. – Или это кликуха?» «Так и в паспорте напи-

сано!» – отвечал я, чувствуя, как тепло алкоголя разливается по телу, и осторожно положил руку ей на плечо, приобняв. Она не сопротивлялась, и я осмелел – полез целоваться. На поцелуи, конечно же, неумелые, она не отвечала, словно одеревенев. Я положил ладонь ей на грудь, но она оттолкнула. Тогда я снова налил в стакан на тумбочке. Она замотала головой, отказываясь.

И, только я поднёс стакан ко рту, дверь бесшумно отворилась, и в сумерках возникли два силуэта. Я так и замер, напрягая зрение и боясь шелохнуться. Чиркнула спичка, осветив меня со стаканом.

«О-о! У нас гости! – хриловатый женский голос, от которого у меня мурашки по коже пошли. – А нам не нальёте?» Я протянул так и не отпитое вино. Чиркнула ещё одна спичка в руках высокой, худой, как палка, девицы в брюках и шерстяной кофте. Её парень, тоже худющий, с длинными, до плеч, русыми патлами, сидел отвернувшись. Девица взяла стакан и одним глотком опорожнила.

– Давай уж Сёме тоже! – протянула мне. – Тебя как зовут-то?

– Марс.

– Ну, ни х..! Чо, имя такое? – сипло рассмеялась. – Где ты его, Ксюха, откопала?

Та промолчала, напрягшись. Я налил ещё пол стакана, матерщинница передала своему парню, он выпил и вернул мне посуду пустой. Я налил себе:

– Я-то Марс, а ты кто?

– Алка, коль на то пошло! У тебя курить есть?

– Не курю... – выпил.

Одна из спящих откинула одеяло с головы и совсем тонким, детским голосом обиделась:

– Опять надымите! Хоть бы окно открыли!

– Спи, малявка! – беззлобно огрызнулась Алла. – И укройся, тебе ещё рано подглядывать! – достала из кармана сигареты и закурила. – Будем по очереди. Пойди, Сём, открой окно! – парень без слов подчинился. – Ну и откуда ты, Марсик? На кого учишься?

– На каменщика... – не зная, как продолжить разговор, я налил ещё.

Девушка взяла и без слов выпила. Я налил Сёме, и тот не отказался. Девушка хохотнула:

– Ну, нам хватит! А то у Сёмы х.. не встанет! Пошли, пьяница, снимай штаны!

Детский голосок из-под одеяла снова возмутился:

– Опять всю ночь скрипеть будете!

Алла рассмеялась:

– Теперь на двух кроватях! Скоро и ты ё...я заведёшь! – в потёмках я, тем не менее, прекрасно видел, как парень в одних длинных трусах полез под одеяло, а Алла, не торопясь и временами оборачиваясь к нам, сначала сняла кофту, затем брюки. В белом лифчике и трусиках опять подошла к нам:

– Марсик, налей мне ещё! Мне это не повредит, даже на-

оборот!

Я почувствовал у себя на талии горячую ладошку молчащей рядом Ксении, она прижималась ко мне! Гордый этим, я налил Алке. Та выпила, крикнула и потрепала меня по голове:

– Отдери её как следует! – и, подойдя к своей койке, наклонилась снять трусики.

Я тоже обнял Ксению и повалил её, целуя.

– Подожди!.. – шепнула она и забралась под одеяло, мне пришлось привстать, она приглашающе откинула угол.

Я, тоже не раздеваясь, лёг и укрылся. Обнявшись, мы начали целоваться. Соседняя койка ритмично заскрипела. Моя девушка уже не сопротивлялась моим ощупываниям, но ещё хватала за ладонь, когда я лез между ног. Я расстегнул на ней блузку, но никак не мог справиться с лифчиком. Отчаявшись, занялся юбкой – задрал её выше пояса. И уже взялся за резинку трусиков, когда на соседней койке затихли, и сиплый смеющийся голос Аллы прорезал напряжённую тишину:

– Когда будет кончать, Ксюха, возьми в рот! Тогда пятен на простыне не будет.

От одних только этих слов я содрогнулся, брызгая в штаны. С ужасом понял, что всё кончено, меня выгонят с позором. Равнодушно поднялся и открыл новую бутылку. Бесстыдница опять подала голос:

– Сколько ж у тебя там бухла набрано?

– Нормально... – я наполнил стакан почти до краёв и вы-

пил.

Алла вылезла из-под одеяла всё ещё в лифчике, но срам прикрыла полотенцем и опять подошла:

– Наливай уж!

Я налил, она выпила. Я налил ещё и толкнул Ксению:

– Будешь?

– Давай... – она приподнялась на локте, протянув руку, одеяло сползло, обнажив грудь. Без лифчика!

Я обалдел. Ксения выпила, и я с радостью понял, что прощён. Алла опять закурила и как-то очень тоскливо и хрипло сказала:

– Не послушалась, небось! И гандона не припасли! Теперь простыню или застирывай, а до утра х... высохнет, или новую стели! Хоть в п...е ищи!

– Дай лучше закурить! – неожиданно прорезался голос Ксении.

Алла сходила к своей койке, принесла сигарету, дала Ксении прикурить от своей дымящейся.

Да нет, всё у нас случилось как надо. И разделись, и поскрипели, и простыню испачкали, но... Но уже без особого восторга, как бы напоказ, для кого-то. Ксения мне потом говорила, что за нами следили четыре пары ушей, никак не меньше. И ещё, что была девочкой до того случая. И я признался ей, что лишился невинности. Впрочем, она не поверила этому: «Кому ты мозги пудришь? Чтоб такой парень

и ни разу! Расскажи это моей бабушке!»

Нет, не было у нас с Ксенией шекспировских страстей, мы оба шли по наклонной, по траектории наименьшего сопротивления. Мы снова и снова стали повторять случившееся в первый день знакомства и уже не искали иных путей. Вот таков был наш общий путь к несчастью. Я почему-то позабыл, как это бывает, когда ты влюблён. И умудрился разделить секс и влюблённость, а это и есть кратчайший путь к несчастью.

Перелистав альбомы, я выбрал приемлемые фото Инессы и сразу же стал набрасывать. Рука должна привыкнуть к чертам лица и телосложению. И тут меня ждало новое открытие – она была красива. Да-да, красива! Но не броской, крестьянской красотой Долговых со щеками-яблоками, выдающимися грудями и ягодицами, крутыми бёдрами и синими коровьими глазищами. Нигде на снимках «татарка» не хохотала, да и не помнилось, чтоб она выражала эмоции бурно, по Долговки, везде она была сдержанна, иронично сдержанна или задумчива. Или удивительно нежна, когда держала в руках котёнка и рядом со щенком. Лишь на одной фотке она была грустна и ещё на одной, на берегу озера, мечтательно печальна. И везде, везде она была царственно величава. Может поэтому рука моя поначалу сбивалась на известный ахматовский «греческий» профиль. Однако сходство тут было лишь отдалённое, Инесса имела выражено монголоидные

глаза и скулы, пронзительный, прожигающий чёрным огнём взгляд и большой чувственный рот в отличие от великой поэтессы.

Когда я наконец, уловил оригинальность её лица, то принялся за длинные, удивительно тонкие пальцы и всю гордую, прямую фигуру с откинутой головой, её острые коленки из-под средней юбки и развитые, как у спортсменки, икры. В этих набросках я перебрал все выражения её чувств или намёков на них, запечатлённых на фотографиях.

И был, как громом поражён скрежетом ключа в замке. Взглянув на часы, я обомлел – шёл уже шестой час! Ксения с работы! Блокноты с карандашами моментально оказались под сиделищными подушками. Оставив фотоальбомы на столе, я поспешил открыть. Жена даже и не удивилась:

– Ну вот, я же говорила, что заболел! Ходил в поликлинику?

– Нет, завтра пойду.

– А чего это альбомы тут?

– Тоска о юности.

3

ПАРВАТИ – буквально «Горная», имя-эпитет супруги Шивы, дочери Хималая; совершенство красоты и страсти. Постоянно ссорилась и примирялась с упрягом; их объятия были столь сильны, что при одном из них супруги обратились в единое существо, совмещавшее в себе мужское и женское начала, Ардханаришвару, считающееся ипостасью самого Шивы. В другом случае они исчезли сами, слившись в лингайони (Линга – мужской половой член, Йони – женский половой орган), символизируемое горящим светильником. Её ваханой является лев. В изображениях вместе с Шивой у неё две руки, в самостоятельных – четыре.

У меня вдруг возникло ощущение полёта, или нет, невесомости. Словно бы я плаваю в большом цветном аквариуме с густой, как мёд, жидкостью. Все движения немного замедленны, мне не хотелось ни есть, ни спать, рутинные домашние обязанности вроде уборки, выноса мусора, похода в магазин и т.д., – выполнялись легко, без напряжения (невесомость!). И в то же время я как-то отстранился от всего на свете, совершенно перестал понимать показываемое на экране и написанное в газете или книге, всё это мне стало совершенно не интересно. Ксения же заметила мне вслух, что я

в один миг поглупел и всё время улыбаюсь, стала пристально присматриваться ко мне. Мной овладело предощущение счастья, я ничуть не обиделся на эти выпады. Я плавал в этом оранжевом сиропе радости, с восторгом вглядываясь в удивительно уютный, как будто вогнутый, мир вокруг, на симпатичных его обитателей. Я даже не сразу понял, что всё переменялось, моя жизнь перевернулась. Я совершенно забыл и не хотел вспоминать о вчерашних ещё депрессиях и суицидальных настроениях, мне захотелось петь и смеяться. И, разумеется, рисовать.

Еле-еле дождался я, когда Ксения уснёт. Пару раз возвращался в постель, потому что она поднимала голову. Почему так опасался, даже и не знаю. С трясущимися руками и бухающим в ночи сердцем я прокрался и принёс из туалета принадлежности. Мной овладела могучая, просто необоримая страсть. Тут уже ничто не могло меня остановить, меня, что называется, понесло. Вновь и вновь я изображал странный, волшебный лик «горбоносой татарки», но теперь уже в различных ипостасях. Вот она правительница Древнего Египта в высокой короне с коброй и на богато украшенном троне; вот она – бегущая сквозь дивный сад Диана в распахивающейся тунике; вот Василиса Премудрая из русских сказок, а вот библейская Магдалена. К утру купленный накануне блокнот был заполнен, и я понял, что надо доставать краски. Но время вышло.

Довольный собой, я прокрался назад на супружеское ло-

же и свалился совершенно без сил. Вялая, горячая рука Ксении устроилась у меня в паху, но я сделал вид, что сплю. И вправду провалился в забытие без сновидений. Почти сразу же, впрочем, разбуженный будильником.

– Регистратура в Поликлинике с восьми! – скрипучим голосом сообщила жена.

И в это короткое мгновение мне привиделся угловатый подросток в хорошо сшитом на заказ костюме-тройке с галстуком-селёдкой. Он был свекольно красен лицом и смотрел на обнажённую Инессу, лежащую на диване. Одна рука её была закинута за голову, ни в подмышке, ни на лобке волос не было. А я стоял почему-то в позе просителя со склонённой головой. Может я увидел бы и побольше, если б не грубый толчок в плечо:

– Давай вставай! Регистратура с восьми! А там ещё очередь! Это тебе не на работу!

* * *

Большинство людей склонно не заморачиваться на действительности, бежать от неё, отворачиваясь от правды о себе и окружающем. Они читают книги, ходят в театры и смотрят кино, воображая себя кем-то, непременно хорошим. Всё время стараются занять себя чем-то таким, что отвлекло бы и развлекло. И я до того прозрения именно этим и занимался. У меня не хватало мужества повернуться к действитель-

ности лицом, я уходил либо в рисование, либо в пьянку или чтение. Суровый окружающий мир был бесплатным, тягостным приложением к моим удовольствиям.

Да я и сейчас, по прошествии многих лет обманываю себя, говоря, что теперь моё ремесло стало инструментом познания действительности. На самом деле я продолжаю замазывать красками себе глаза. Я давно уже живу только прошлым. Иной раз думаю, что надо было наложить руки на себя. Я и наложил бы, на такой трусливый ход я вполне способен. Помешала неизвестность.

Всякий раз, начиная новую работу, я целиком и полностью погружаюсь в неё, а между просто картинами или когда тема не желает вырисовываться, я продолжаю писать её портрет.

Первые лет пять я её искал. Даже когда уже правоохранители умыли руки и когда утомился Олег. Сначала мы искали среди мёртвых, объездили все окрестные морги вплоть до Новгорода, Боровичей и Вышнего Волочка. Мне тогда уже начали сниться замороженные тела женщин тридцати с лишним лет, опознанные и не опознанные, изувеченные кем-то и просто умершие. Потом я стал искать среди живых, среди ветеринаров, зоотехников и вообще всех, кто работает с животными. И кто обладает особым даром целительства и прозорливости.

И теперь, когда уже минула целая эпоха не только моя, но и страны, и всего мира, – раздался этот звонок. Он поймал меня в один из получасовых перерывов, когда я пью чай, включаю, если не забуду, телефон и размышляю о том, о сём.

Звонил Олег. Он тоже осуществил свою мечту, стал чемпионом Советского Союза, хотя и не сделал карьеры в милиции. Спорт, оказывается, отнимает все силы, а профессиональный ещё и здоровье. Он давно уже инвалид, и чтоб не помереть с голоду, работает охранником на автостоянке. И шабашит нелегальным частным сыском.

– Привет, Марсон! – голос был простужено хриплым. – Я тебе не помешал?

– Ну, что ты, Олежек! Рад тебя слышать!

– Тут такое дело. Короче, я послал тебе ММС, фото одной листовки. В городе Бологое (ты помнишь такой?) кто-то повёл компанию дискредитации одного священнослужителя в глазах местного населения. Он обратился в Органы естественно...

– Не в Небесную канцелярию?

– Нет, это не тот человек. Ну, а когда полицию это совсем перестало интересовать... Ну, ты же знаешь, как там – сразу не поймали, значит «глухарь», под сукно! Так вот, тогда матушка, попова жена, позвонила мне.

– И откуда же она узнала, что ты...

– Марс! Они же исповедуют сотни людей! Это сбор информации! Хотел бы я иметь такой источник! Не зря КГБ

в своё время плотно держал всю Церковь под колпаком! Да и нынешние, я думаю, не гнушаются.

– Понятно. Ну и что за листовки?

– Откроешь ММС, увидишь. Хочу только добавить, что компания ведётся уже две недели. И листовки развешиваются в таких местах, где их могли бы прочесть прихожане, идущие в Храм.

– Ясно. А сам-то ты как? Как здоровье?

– Ох, Марс! Спорт здоровья не прибавляет!

– Наш Президент считает иначе. Строит по всей стране стадионы и оздоровительные комплексы. ГТО, вон, возвращают!

– Лучше б он о нравственности населения подумал! Чёрти что уже творится!

– Нравственностью народонаселения по его замыслу как раз попы разных концессий и должны заниматься!

– Усвоив его спортивную философию, они занимаются собственным благополучием в первую очередь.

– Не любишь ты Президента, Олежек!

– А что он, тульский пряник, что ли?! – вздох в трубку.

Попрощавшись, я открыл сообщение. В красной рамке готическим курсивом было (явно на принтере) напечатано:

«Знай, служат здесь мамоне, не Христу.

Спаситель наш гнал торгашей из Храма,

А тут – две лавки! Это ли не странно?

Дворец служителя заметен за версту,

И пузо от обжорства – барабаном!»

О Боже! Это было как выстрел у уха! Мне показалось, что я теряю сознание. Так потемнело в глазах и затарахтело сердечко. Даже губы онемели! В неуёмной памяти моментально выскочило:

«Компартия печётся о народе,
Колхозник и рабочий стадо их,
Которое не устают доить,
А корм пусть ищут сами в огороде,
Долг Партии – народ огородить!»

Это когда-то написала Инесса на ватмане. И прилепила рядом с вывеской Горкома Партии. На обозрение всем входящим.

ИНЕССА! Я уже не мог больше думать ни о чём. Перед глазами сиял образ «горбоносой татарки» в венчике обесцвеченных волос, её гордая походка балерины (она ступала носками наружу), чуть замедленный взмах тонкой руки и загадочная (почти джокондовская!) полуулыбка. Да будь я проклят, если это не она ополчилась против попов! Надо было срочно мотать в Бологое!

Трясущимися руками, не попадая пальцем в кнопки, я набрал снова Олега. Но абонент был уже «вне зоны доступа». Слегка захотелось повить в потолок.

Но всё началось немного раньше. Книга была первой весточкой. Её принёс посыльный, когда я пил второй утренний чай. Первый я пью сразу после пробуждения и душа, оказав-

шись в мастерской перед мольбертом. А второй – на террасе с видом на озеро. Пока в доме убираются. Параллельно я просматриваю электронную почту и бумажные газеты. Их обычно приносит старый Тимур, не очень хорошо владеющий русским, или его застенчивая внучка Мунира. Её Тимур отправляет, когда надо сообщить что-то устно. Краснея и отворачивая лицо, девушка произнесла чуть слышно:

– Пакет... Надо подпись... – и положила пачку прессы на краешек стола.

Я не сразу понял.

– Какой пакет? Что надо?

Она резко уронила голову.

– Там человек... Чужой... С пакетом... Без вашей подписи не даёт... Рамиз не пускает...

– А-а! Да не переживай ты так! Пусть войдёт!

Её брат Рамиз дежурил у ворот в форме охранника. Мунира стаерски сорвалась с места. А я принялся просматривать газеты.

Буквально через пару минут, – видимо девушка связалась по мобильной, едва выскочив с террасы, – в дверях возник нагловатый рэпер в бейсболке с козырьком набок и форме посыльного. Ухмыляясь, он жевал жвачку и враскачку шагал ко мне. Ничего не говоря, положил передо мной пакет в коричневой плотной бумаге с раскрытым блокнотом поверх него. На блокнот небрежным жестом бросил шариковую ручку. Я расписался.

– А на чай? – ещё шире оскаблился парень, чем окончательно меня разозлил.

Я демонстративно пригляделся к фирменному блокноту и бейджику на его груди.

– А твой шеф знает, что ты не здороваешься и хамишь клиентам?

Ухмылку как ветром сдуло.

– Да ладно!.. мне б на бензин!..

– Будет тебе и на бензин, и на мороженое! Я только звякну в твою фирму...

Я и договорить не успел, как рэпер растворился в воздухе. В пакете оказалась книга. В твёрдом переплёте. На суперобложке – знаменитый ахматовский профиль. С пририсованным азиатски раскосым глазом над высокой скулой. Я тяжело вздохнул – кто-то знал Инессу. Роман назывался «Миннет в Огрызково», автор Свирид Докучаев. Модный теперь писатель, живущий по слухам где-то за границей и старательно прячущийся от общественности. Вот и теперь на обороте, где обычно помещают фото создателя сего шедевра, был «Чёрный квадрат» Малевича. Никто не знал ни его настоящего имени, ни места жительства, образования, семейного положения и т. д. Вообще ничего! Но больше всего раздражало обывателя то, что он по сообщениям издателя не пользуется гонорарами. Кроме того, что не лезет на телеэкран и в прессу. Его или её (был слушок, что это одна из теледив) абсолютно не интересовали ни писательская слава, ни нема-

лые уже деньги, хранящиеся на счетах издательства.

Вот такие пироги! Кто-то знал главную тайну моей жизни, причину моего затворничества. И подавал мне какой-то знак.

4

ПАНЧАМАКАРА – (пять букв М) – тайный парный ритуал (мужчина + женщина) – или Панчататтва (пять принципов) – в тантрическом шиваизме и шактизме. Во время пуджи (священнодействия) происходит иштаведате (предложение) друг другу Мадья (вина), Мамса (мяса), Матсья (рыбы), Мудра (зерна жареного) и Майтхуна (полового акта). Мужчина отождествляет себя с Шивой, женщина с его супругой Шакти. Шива говорит: « О Богиня, без Шакти (женское начало) Я всегда подобен трупу. Когда Я соединён с Шакти, Я – Шива...

Если успех не достигается пребыванием с женщиной, тогда, о Всевышняя, всё, что я говорю, бесполезно...

Следует оставить все святыя места и, во что бы то ни стало идти в общество женщины!»

Но это сейчас, а тогда, в иную эпоху и в стране, которой уж нет, я не выспавшийся, но ликующий, кое-как поднялся, ополоснулся в душе и выпил большую кружку дефицитного кофе, заботливо приготовленного Ксенией. Тогда мы пили его только в особых случаях. Мне было тягостно смотреть в глаза жене, я собирался на Телятник, рисовать Инессу.

Колхоз «Свет зари» располагался под боком нашего городка, и некоторые неблагополучные горожане трудились

там, постоянно сетуя на нищенские зарплаты. «Свет зари» был убежищем обладателей «волчьих билетов», справок об освобождении из тех самых мест и трудовых книжек с 33-ей статьёй об увольнении, прогульщиков и алканавтов. Немного странно, конечно, что именно там работала совсем мало пьющая Инесса, хотя она и занимала высокую для своих лет должность главного ветеринара. Телятник же, о котором она мне шепнула, всколыхнув всё моё естество, находился в километре от наших пятиэтажек за Берёзовой рощей, местом разнообразных народных гуляний и романтических свиданий.

Меня же, идиота, понесло в поликлинику, поскольку до моего часа «икс» оставалась ещё уйма времени, и у меня натурально тряслись поджилки. Мне, в отличие от большинства моих сверстников, не дано было ходить на уединенные встречи с девушкой, прихватив какой-то букетик, как это живописуют в соцреалистических фильмах. Я принёс бормотуху и сразу полез в трусы. И пожинал плоды этого подвига.

Отстояв очередь в регистратуру, я записался зачем-то на приём к терапевту. И с номерком в кармане поскакал домой – мне было назначено на девять. Мне стало интересно, какой диагноз мне поставят? Ведь меня натурально лихорадило! Я чувствовал и понимал, хоть и не до конца, что со мной что-то происходит, какой-то грандиозный сдвиг в сознании и во всей жизни. Я словно бы поскользнулся и по-

летел в глубочайшую, почти бездонную, пасть. И в этом падении (или парении?) я понимал, что внизу меня ждёт конец. И никакого спасения мне не предусмотрено. Я был в трансе, не религиозном и не наркотическом, в каком-то ином. С чувством «эх-была-не-была!» я даже посмеивался. «А какой мне диагноз поставят?» – ну не идиот?!

Дома я вспомнил, что уже нет чистого альбома, весь измалёван, да таким, что не хотелось бы никому, а уж тем более ЕЙ, показывать. Без малейших признаков обычной лени и недовольствия я помчался в магазин. Теперь мне уже кажется, что во время тех моих мотаний по улицам я совсем не встречал людей. Между тем, они, конечно же, присутствовали, их не было лично для меня в том моём изменённом состоянии сознания. Ещё я прикупил бутылку «Советского шампанского» и коробку конфет. Так, на всякий пожарный. Чем мы будем там, в Телятнике, заниматься, рисованием или ещё чем, не до конца ясно. Но это было глубоко, мистически волнующе.

В таком настроении Ваш покорный слуга (и придурок в придачу) отправился к врачу. Старая, седая и слегка горбатая (наследие ГУЛАГа) Эсфирь Иосифовна взглянула поверх очков:

– На что жалуетесь, молодой человек? – не ожидая ответа, поднялась, заглянула мне под веко, поводила стетоскопом по спине под рубахой.

– Бессонница, сердцебиение... Может, температура?

Мне показалось, что старушка закашлялась, но это был смех.

– Вам сколько лет, Марс Александрович?

– Двадцать четыре. Там написано!

– Дорогой мой! Лично я в незабвенные двадцать четыре вообще не знала, что такое сон! А уж как сердечко моё колотилось, у-у! И тем более по весне, в мае месяце! Ступайте-ступайте! Хотела бы я снова переболеть той болезнью! Температура у вас вместе с градусником подскакивает!

С горящим лицом я вылетел из поликлиники. И чего я вообще туда попёрся?! Ведь отпросился же с работы! Чего ещё?!

Впрочем, всё это слетело при воспоминании о выпавшей мне миссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.